

21 июля

1973 г.

29
(1964)

Год издания 22-й

Цена 5 коп.

ЛЕННИНГРАДСКИЙ ЖАРГОН

ГАЗЕТА ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА КПСС

«Барл Д. Брэмхолл прибыл из Москвы, где ему была вручена высшая награда советского Красного Креста — «Почетный знак», в Ленинград».

Так сообщила вечерняя газета 17 июля, а вчера Барл Д. Брэмхолл в Доме дружбы и мира с народами зарубежных стран присутствовал на устроенной в его честь встрече.

Вот он — высокий пожилой американец, рядом ленинградцы — тоже люди немолодые, но взглядитесь внимательнее — и вы увидите в глазах у них что-то мальчишеское, не правда ли? Все дело в том, что они возвратились вместе с Барлом Д. Брэмхоллом в свое мальчишество, такое потрясающее трудное, такое поразительно богатое событиями. Приезд Барла Д. Брэмхолла дает нам повод отбросить пять с половиной десятилетий, убрать след времени с этих лиц и оказаться в Петрограде летом 1918 года.

КОЛОНИЯ, колония, — только и разговоров, что о колонии в питерских школах. Собрались и скоро отправятся колонисты за Урал — в теплое лето, к хлебу и молоку. На лето, только на лето. Голодно в Петрограде. Молодая Советская республика увозит от голода своих детей.

Сотни ребят с вещевыми мешками, чемоданами, сумками толпились на Финляндском вокзале возле больших белых вагонов с красными крестами на стенах и крыши. Белый поезд тут же окрестился «Братом милосердия».

Каждого провожал кто-то из взрослых, взрослым было тревожно и горько, а ребята уже начинали уходить от того, что оставалось дома, к новому — дорожному, дальнему.

Где-то за Уралом эта колония встретится с другой и проделает вместе дальний путь вокруг света, но сейчас мы последуем вместе с этим поездом, с «Братом милосердия», за Урал...

Вагоны в поезде и изнутри белые. И перегородок в них нет, никаких купе, а просто длинный движущийся зал с оконцами наверху. Девочки тянутся к окнам, ребята стоят у раскрытых дверей — ие отошли.

Серые намокшие деревеньки пробегают мимо, и быстро проносясь день, а потом еще один, а третий был только на подходе, еще не выбрался из ночи, когда поезд остановился и забаранил кто-то зной в металлические двери вагона.

И звуки выстрелов раздались поблизости, и неизвестно, что происходило за стенами вагона в лесной темноте. Потом грохот стих. Утром говорили по вагонам, что будто бы дутовцы на поезд напали.

И снова сидели, свесив ноги, на подножках вагонов, увидели, как проплыли мимо столб, разделяющий Европу и Азию, и представили себе географическую карту с коричнево-рыжей извилистой грядой в левой половине.

Что дом и город даже на карте — далеко отсюда, они знали, но вот того, что пересекут все земли, которые лежат по ту сторону Уральского хребта, до самой последней точки русской земли на Востоке, — этого никто и предположить не мог. Никто. Они же ехали на канникулы. Только за Урал, только на лето.

ВОТ И ПРИЕХАЛИ, наконец! Простились с белыми вагонами, вышли, измурясь от солнца, протопали по мягкой дорожной пыли через город Миасс на окраину, где Красный Крест открыл для них старые казармы. Хоть Миасс и не знал еще нужды, но продукты для колонии не все продавали охотно, но очень-то верили в новые советские деньги. Но о хлопотах педагогов ребята пока что не знали — они были сыты, а дни проводили на речке, где глинистый спуск весь истоптан стадом. В лунках от коньков долго держится сырое донышко, а края так затвердевают, что ступать больно. Наплескавшись в теплой воде, выбирали на берегу места поизложней — возле кустов, где коровы не ходят и глина просто сама по себе растрескивается из крупные неровные плитки, как панцирь у черепахи. А самая мягкая земля, ласковая и влажная, спрятана под листьями мать-и-мачехи, ярко-зелеными, подбитыми белым пушком.

Тихо. Только звенят комары и шмели гудят...

Но вот однажды ночью неподалеку от бараков, в которых разместилась колония, началась стрельба. Военпитатели вели закрыть подушками окна, сидеть

ВОКРУГ СВЕТА на ЮМИ-МАРУ

белыми. Как на рассвете над оврагом поднялись винтицы и закачались на них повешенные.

Утром ребята оказались уже по ту сторону советской границы...

К осени деньги у колонии кончились. Надежд вернуться домой не было. Белые продвинулись к центру Советской Республики, о связи с Петроградом говорить не приходилось. Везти детей на запад, к фронту — кто решится на такой риск? Жить в Миассе, маленьком городке, где уже почти и не давали им ничего, было невозможно. И тогда было решено: разбить колонию на несколько групп, отправить в глухие городки Сибири и там перевозматовать.

Мы с вами последуем за той группой колонистов, которая поехала в Троицк.

ДВЕ РЕЧКИ, Уй и Увелька, встретились, пробираясь сквозь степь, и вот здесь, при слиянии их, когда-то поставлен был город, небольшой, немысокий.

Колонисты приехали в Троицк поздней осенью и поселились в кельях опустевшего женского монастыря.

Ни припасов, ни дров на зиму. И одежда у всех летняя. А зима настала — под сорок градусов. Но через выюжную степь бегали чуть свет в город, в гимназию.

Обтрепались школьные шинельки, из рукавов торчат покрасневшие руки, налинути на лоб фуражки, — в школу бегут... Да, учиться начали все, как дома. Младших обучали свои педагоги, старшие поступили в Троицкую гимназию. Кто в Петрограде учился в реальном училище — упорно осваивали греческий и латынь, чтобы не выбиться из гимназической программы.

И катались с гор, немыслимо крутых. И рапией весной — на лыжах, закруженных в речном водовороте.

И разыгрывали спектакли в школьном театре, давали концерты горожанам (а после концертов — непременная лотерея с благотворительной целью — так собирали средства для колонии).

Да, педагоги петроградской выучки были с детьми, и они сумели сохранять ритм школьного детства во всем сумбуре обрушившихся на колонию невзгод.

А ребята — как они старались учиться!

«Они продолжали свои занятия, начатые в Петрограде, и переходили из класса в класс, как в своих петроградских школах. Тяга русского человека сегодняшнего дня к знанию, к посещению школы проявляется в искренних стараниях

всей колонии не отстать от процесса обучения, несмотря на хаос, царящий в Сибири, их оторванность от дома, необходимость эвакуации из Западной Сибири в Восточную» — так записали свои впечатления о колонистах представители американского Красного Креста, отделения которого работали в Сибири. Весной девятнадцатого года колонисты получили первую посылку: в ящиках с красными крестами была теплая одежда. Петроградская колония получила и некоторую денежную помощь, теперь решено было собрать всех ребят вместе у озера Тургояк в лесном поселке.

В колонии, как и прежде, делали все сами, только теперь было большое хозяйство: коровы, лошади. Решили вскочить и засеять огород на случай, если придется здесь жить долго.

Долго не пришло. Красная Армия, набрав силы, отгоняла дивизии Колчака. К Тургояку подступала война. И однажды июльской ночью, поднятый по тревоге, лагерь питерских ребят двинулся в путь.

Вещи везли на телегах. Колонисты двигались пешком.

Шли всю ночь и к рассвету оказались на станции.

Скопление поездов, стрельба.

С бою заполнились вагоны и отправились в глубь Сибири.

Вот и их поезд — товарные вагоны с деревянными нарами.

Два месяца ехали!

Печки-буржуи появлялись в вагонах — варили картошку. Как только показывалась вдали станция, ребята, уже наготове с ведрами, спрыгивали с подножек и мчались к кипятилке. Пили чай, да еще иногда успевали добежать до какого-нибудь палисадника и наложить смородиновых веток, вот тогда душа была чай и хороши даже без сахара, о котором давно забыли.

Эшелон проходил мимо сгоревших вокзалов с перронами, на которых, как дрова, лежали трупы. Мимо этих мест машинисты проводили поезда, не останавливаясь, боясь подхватить сыпняк. Педагоги в вагонах устроили непременную, обязательную баню для ребят — спасение от тифа,

А от голода спасались, как могли.

Вон мальчишки выпрыгивают из вагонов и мчатся к станции, к поленице, которую охраняют колчаковские солдаты. Разбиваются на две группы (все заранее обговорено), младшие орут: — Дрова, дрова, тащи, кради! — И солдаты выстрелами отгоняют их, пра-

да, стреляют вверх, но все равно смотреть жутко. Пацины с криком убегают, а тем временем старшие успевают с другой стороны поленицы набрать по охапке дров и, пригнувшись, бегут к составу. Теперь по ним стреляют уже всерьез, но, к счастью, все благополучно... Можно варить щолебку из овощей, стянутых с чьего-то огорода под лай собаки, свист, крик хозяев. Что поделаешь, голод заставит.

ОСМОТРИМ на этих мужчин, вспоминающих юность. Ну-ка, кто из них мчался по крышам, потряхиваемых на стыках путей вагонов, перепрыгивал с одного на другой — это бы еще, кажется, ничего, — сполз на качающиеся стенки в раскрытые двери телушек? У всех в глазах можно прочесть про это — про риск, про упорство.

А сколько поездов, сваленных с рельсов под откосы, они встречали! Особено много их было у станции Петля — дорога там петлей по горам зависла. Это партизаны налетали на Сибирскую железнодорожную магистраль срывали снабжение белой армии.

А поезд с колонистами проходил свободно повсюду, даже за Яблоневым хребтом, где все составы останавливались на ночь, чтобы не попасть под обстрел.

Думали — счастливая случайность. А на самом деле — их берегли партизаны. Отличная связь была у дальневосточных партизанских отрядов! Когда немного времени спустя по этому же пути свернувший адмирал Колчак в вагоне под флагами США, Англии, Франции, Японии и Чехословакии повезет за границу русское золото (золотой запас страны), по железнодорожному телеграфу будет передано: «Всем, всем, всем начальникам партизанских отрядов и рабочих дружин по линии...»

Про то, как было отобрано и возвращено это золото, наши путешественники узнают много позже. А сейчас они удивляются вот такими картинами. Станции нет, только остатки обгоревших зданий, и всего один человек спокойно сидит на развалинах, за столом, он в наушниках и выступивает что-то телеграфным ключом. Что он передал в тот час? Может быть: «Едут дети из Петрограда. Проспустить?»

И поезд шел мимо поросших багульником сопок — к океану.

К Великому Тихому океану, потому что так было решено: ехать в Петроград вокруг Земного шара.

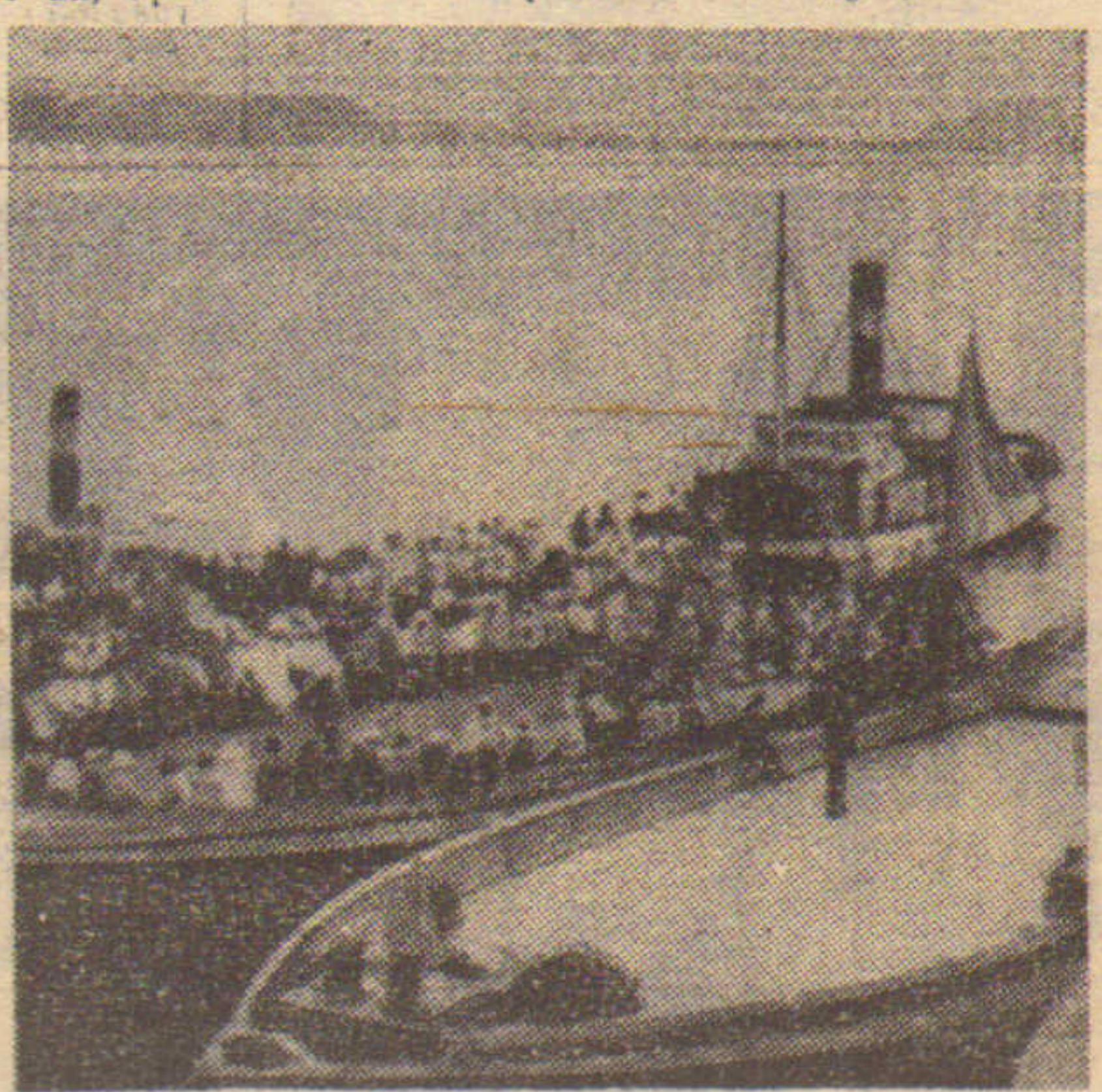
В миссии американского Красного Креста, обосновавшейся в Сибири, работал и Барл Д. Брэмхолл, чей визит в Ленинград проходит сейчас в дружеских встречах. Для него бывшие колонисты подготовили альбом со своими нынешними фотографиями, и он пытается разглядеть в них тех мальчиков и девочек, а они — вспоминают молодого американца, который появлялся у них в колонии во Владивостоке. Они не знали тогда, о чем он хлопочет, куда исчезает. А он фрахтовал японское судно для кругосветного плавания и выменял на доллары керенки и царские рубли.

Целый месяц, оказывается, он, чтобы не вызвать подозрений, вел эту финансово операцию в магазинах лавкам Харбина, торговался с капитаном японского сухогруза «Юми-мару». И вот 13 июля 1920 года...

Но подождите, мы же еще не довели своей эшелон до Владивостока...

Н. ПАНКРАТОВА

(Окончание следует)

28 июля

1973 г.

30
(1965)Год издания 22-я
Цена 5 коп.

ЛЕННИНГРАДСКИЙ ПАРТИИ

ГАЗЕТА ЛЕННИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА КПСС

ОНИ ЕХАЛИ во Владивосток трудно, но все-таки все были вместе, обе петроградские колонии, восемьсот ребят от шести до шестнадцати лет, со своими педагогами и уже с работниками американского Красного Креста. Вот когда в их лексиконе появилось слово-сочетание «Редкросс» (Красный Крест), которое и сейчас объединяет их с американским гостем и вызывает благодарность. Действительно, ведь их разыскали по городам и селам Сибири, собирали вместе, спасли... Миасс, Троицк, станица Уйская, Курган, Петропавловск, Тургояк и еще несколько населенных пунктов на схеме размещения петроградских колонистов в 1918—1919 гг. Эта схема, карта путешествия и степы с фотографиями представлены на выставке, специально устроенной к этой встрече в Доме дружбы на Фонтанке. Отыскалось 159 бывших колонистов, и почти все они сегодня здесь, приветствуют Барла Д. Брэмхолла. Они читают стихотворные спички в честь гостя, дарят подарки ему и его супруге, выступают с воспоминаниями.

Оказывается, жизнь Троицкой колонии была еще спокойной, в других местах старшие мальчики пошли в ту зиму в батраки, девочки — в нянечки, младшие ребята побирались на могилках едой, которую жители кладили для птиц. Белые власти отказались помогать колонистам, говорили: «Распустите детей куда угодно!»

А что было с родителями в Петрограде! Пытались отыскать детей, переслать им зимнюю одежду. Как рассказал на встрече бывший колонист Н. Р. Иванов, профессор, доктор сельскохозяйственных наук, родительский комитет колонистов обратился к В. И. Ленину с просьбой помочь детям. И тогда было лапо указание наркому Г. В. Чicherину связаться с международным Красным Крестом в Швеции и Дании, через них посредство к спасению детей был привлечен американский Красный Крест, располагавший отделениями в Сибири.

Во Владивостоке на станции Вторая Речка колонисты поставили палатки, сделав из простыней. Сотрудники миссии Красного Креста хлопотали об отъезде, а он все затягивался. Владивосток оккупировали японцы. Транссибирская магистраль оказалась перерезанной. Стала готовиться к новой зимовке. Колония перебралась там же, во Владивостоке, на Русский остров, в старые казармы. В детской памяти долго держатся детали. Ну вот, хотя бы такая: фельдшер на Русском острове даже царапину йодом не смазывал до тех пор, покуда колонист не примет для начала кастрюлю.

На Русском острове они перезимовали. Тут многим мальчишкам впервые открылось, как много умеют девочки. Как они сумели сделать уютными и чистыми бараки, поддерживать порядок в колонии.

Ваш учительницы и девочки были просто одержимы манией чистоты, — сказал в своем возвышении, грустном, шутливом спичке на вечере в прошлую пятницу Барл Д. Брэмхолл, — когда мы плыли на «Йоми-мару», они стирали, казалось, беспр��но, размывали белье, и корабль превратился в плавучую прачечную.

Вот на фотографии девочки с учительницами: наверное, холодно — они в темных платках, в ватниках поверх длинных платьев. Столько лет прошло, а снимков сохранилось много! Одна из бывших колонисток сказала на вечере, что сохранила фотографии путешествия вместе с документами — это был весь ее «багаж» в блокаду. Но еще больше эпизодов сохранила память. Вот две мужчины разговаривают:

— А это не вы плывали на яхте?

— Да, да, вельбот был у нас, помните?

Трое ребят починили старую яхту и стали перевозить на ней пассажиров, даже зарабатывали юань и доллары, а после, уже возвращавшись в Петроград, сделали парусник и долгое время выводили его в плавание по Маркизовой луже. Вот стоит один из трех корабелов — Виктор Тихонович Зуев, заслуженный

ВОКРУГ СВЕТА на «ЙОМИ-МАРУ»

НО ДОЛГО, долго еще им до возвращения в Петроград. Даже отплытие из Владивостока — не скоро! Всю зиму «Йоми-мару» переоборудовался для пассажирского плавания.

Перед тем, как зафрахтовать судно, мы направили в сибирский комитет Красного Креста предварительную смету перевозки колонии в Петроград кругосветным путем, — рассказывал участникам вечера Барл Д. Брэмхолл. — Мы просили 680 тысяч долларов, и комитет одобрил эту смету, ибо чуть меньше тысячи долларов за одну человеческую жизнь — разве это так уж много?

Наш гость шутливо гордится тем, что это он придумал систему номеров: жетон с номером был у каждого колониста, тем же номером была отмечена его кровать на судне и вецищевый мешок, это позволяло очень быстро собирать и размещать ребят.

Поразительно, с какой добродустью этот восьмидесятилетний человек помнит каждый день путешествия, все даты, фамилии и цифры. Он пытался установить связь с бывшими колонистами, достал копию списков всех путешественников «Йоми-Мару», запрашивал Красный Крест Финляндии и нашей страны, и вот — встреча состоялась, и ленинградцы узнают подробности, о которых они не знали тогда.

Когда угонщик с петроградскими детьми вышел из Владивостока, все думали, что путь через океан будет безостановочным. Но вскоре колония высадилась в японском порту Муроран. Снимки напомнили о том, как их принимали в японской школе, как им показывали остров.

Три дня остановки — и снова океан. Снова трюмы без кипящего, узкие койки-ящики в два этажа вплотную, а между рядами узкий проход. Всю дорогу жили в основном на палубах. Только штурм загонял вниз.

— А вы помните, как мы танцевали на палубе? Японский капитан даже грозил расторгнуть контракт, если не перестанет греметь музыка. А помните ли вы тот вечер, который нам устроили в Сан-Франциско? Ярусы были полны зрителями, играл оркестр, играл наш оркестр...

ная земля была открыта ребятам, и чужая речь. Им бросали на борт бананы и манго, за деньги или просто так («Вы помните, что было от этих манго на палубе? — напомнил Брэмхолл. — А как вам привнесли мороженого члены местного общества Красного Креста?).

Да, да, они все помнят сейчас, даже мелочи.

Экзотика ожидала их и в Нью-Йорке, новым было все, от небоскребов до обычев. Но дни в форту Вадесфорте были напряженными: возникла идея послать колонистов на юге Франции, в Бордо, где им всем гарантировали высшее образование и хорошее будущее. Зачем возвращаться домой?..

Отказались все — и педагоги, и дети. По свидетельству колониста Ю. Н. Заводчикова, старшие ребята образовали «революционный комитет за возвращение в Советскую Россию» и пришли в Нью-Йорке в миссию Л. К. Мартенса, который с 1919 по 1921 год представлял Советскую Республику в США, передать свой ultimatum: «Только домой!»

Пока шли переговоры, члены американского Красного Креста старались познакомить ребят с городом. Вот на фотографиях вагончики, в которых они едут по Нью-Йорку. Колонисты отправлялись в город, имея при себе медный номерок и бумажку с машинописным текстом по-английски: «Этого гражданина необходимо возвратить по адресу: Вадесфорт, Стеттен-Айленд». Многих ребят возили по городу в своих машинах сестры общества Красного Креста.

Случилось петроградцам проехать по Нью-Йорку и в печальном кортеже: из-за неподдельной щалости погиб от пули часового колонист. Его хоронили на православном кладбище. Автобусы с колонистами мчались под вой сирен, полисмены на перекрестках открывали свободный проезд. Была еще одна смерть во время почти трехлетнего путешествия: в Атлантическом океане по-морскому похоронили, опустив в волны, учительницу Марию Горбачеву...

И ВОТ — обратный путь. Прощай, Америка! Во французском порту Брест «Йоми-мару» простоял несколько дней.

Осень застала в море. Был конец сентября. Судно, пройдя Кильский канал, стояло в водах Финляндии. Руководители колонии вели переговоры с правительством Финляндии и добились того, что колонистов высадили в порту Кохивисто и поселили в Халиле, в зданиях бывшего санатория.

— Двести писем от ваших родителей пришли 20 октября, и мы сначала прочли их, чтобы не опечалить кого-то из вас, а потом позвали всех в столовую и письма были разданы, — напомнил Барл Д. Брэмхолл. — Я никогда не забуду прощального вечера. Весь американский персонал получил подарки. А потом все пошло быстро. Поезд-номер один, поезд номер два, поезд номер три, поезд номер четыре... Поезд номер двадцать шесть ушел 26 января, и мы с Раилья Х. Алленом, руководителем колонии, стали сдавать финским властям помещение. Мы уехали два месяца спустя через Эстонию, Латвию, Польский коридор, Варшаву, Прагу, Париж. Я никогда не жалел те два года, которые проработал в американском Красном Кресте, и особенно те восемь месяцев, проведенные с вами.

Я хотел бы вам напомнить о заявлении, которое сделал Раилья Аллен, прощааясь с вами на том мосту через пограничную речку Сестру:

«Я верю, — сказал он, — что пройдут времена, когда наши страны будут так же дружественны, как друзья мы с вами сейчас».

— Я надеюсь и верю, что мы быстро приближаемся к этому, и многие американцы придерживаются такого мнения.

Об этом говорили в Доме дружбы на Фонтанке все участники встречи. Об этом нельзя было не думать: время, в которое живем, благоприятно и для воспоминаний о дружбе, и для надежд на нее.

Н. ПАНКРАТОВА

Барл Д. Брэмхолл на встрече